

О, времена, О, нравы!

Римма КРЕЧЕТОВА

Про Юрия Петровича Любимова писали много. Говорили (спорили) еще больше, особенно, когда писать (не ругая) было нельзя. А уж в нынешние-то юбилейные дни Юрий Петрович превратился в наимоднейшую персону среди наших легковозбудимых СМИ, всегда готовых впасть либо в коллективную панику, либо — в столь же коллективный ажиотаж. Они просто не мыслят себя без материала о Любимове. Даже самые неведомые и неожиданные издания мечутся в поисках "хоть что-нибудь".

Забавно.

Можно ли было предположить такое двадцать лет назад, когда Юрий Петрович отмечал свое шестидесятилетие! Тогда за напечатание юбилейной статьи редактор "Советской культуры" получил хорошую выволочку.

Можно ли было представить, что постоянно призываемый на разного рода начальственные "ковры" режиссер, досадная помеха общественному и художественному спокойствию, переживает своих всемогущих гонителей. Физически (тьфу, тьфу, тьфу). Нравственно. И — по статусу. Они исчезли из социального обихода, а он превратился в живого классика. Он сегодня, как и вчера, полон энергии, и при случае демонстрирует свою боевую раскраску, свою органическую неуправляемость.

На предъюбилейной пресс-конференции, где, казалось бы, должна царить соответствующая событию благодность, Ю.П. не слишком долго выдерживал образ невозмутимо мудрого (недаром же занимается он медитацией!) Мастера, с высот своих славы и лет снизошедшего до общения с сегодняшней суетностью. Достаточно было двух-трех вопросов, чем-то его задевших, как отрешенная мудрость вмиг отлетела. Вместо нее — азарт бывалого полемиста, привычная как домашние тапочки, готовность подражаться. Нет, чтобы расположить к себе журналистов, обаять (они же напишут, они же покажут по "ящику"). Любимов сделал все, чтобы их разозлить.

Говорят: старый конь борозды не портит. Но конь коню рознь. И в свои восемьдесят Ю.П. в "борозду" загоняться не хочет.

Древние (последую нынешнему пристрастию к цитатам из времен отдаленнейших) говорили: "времена меняются и мы вместе с ними". Но наблюдая людей, понимаешь: не все так зависимы или пластичны. Есть у природы и иной материал.

Любимов не умеет меняться, хотя, конечно, меняется в чем-то. Он ведь не каменный истукан, что глядит из тьмы своих тысячелетий все тем же неподвижным взором. Но перемены в нем вызываются не внешним давлением, а "заготовками", изначально заложенными в самой его личности.

Итак.

Юрий Петрович Любимов переступил свой восьмидесятилетний рубеж.

Включился счетчик следующего десятилетия.

Вроде бы в такие моменты надо (принято!) подводить очередные итоги.

Но почему-то не хочется. Как-то не с руки повторять всем известное, многожды сказанное про ту роль, что сыграла любимовская Таганка в нашей общественной и художественной реальности. Рассуждать о природе режиссерского творчества Ю.П. О том, как своими спектаклями он перебрал мост (специально и устрашающе разрушенный) между великим условным театром, блистательно развивавшимся вплоть до начала сталинских репрессий, и — театром новым, уже посткультовым. Об особой актерской школе Таганки с ее энергичным и дерзким давле-

нием на зрительный зал, ее совместимостью с любой самой жесткой условностью, с ее... и так далее...

Не хочется театроведения.

Но и социологизирования тоже — не хочется.

Интересно другое: человек, проходящий сквозь время, как "утюг проходит сквозь снег" (за-

имствую у Виктора Шкловского этот замечательный образ, возникший по другому, разумеется, поводу).

Тут есть о чем поразмыслить. История Таганки, судьба ее создателя выразили не только художественные или общественные, но и какие-то иные, глубинные, тайные качества времени. Неизъяс-

нимые способы его сопряжения с нашим земным бытием.

Человек не выбирает время.

Аксиома.

Ее любят смиренно прилаживать к сущему, каким бы оно ни оказывалось. Но ею не пренебрегают (глупо было бы пренебрегать очевидным) и бунтари. Только каждый вкладывает в сен-

тенцию собственный смысл, оправдывая кто бунт, кто смирение. Ю.П. времени, как и все, не выбирал.

Родился в самый канун красного (от возбуждения и крови) Октября. А потом шаг за шагом прошел трагический путь страны, находясь постоянно на грани риска, так как всегда склонен был к "хулиганствованию", к поведению, которое психологи определяют как "отклоняющееся". Супротивный характер Ю.П., личностно предопределенная потребность в существовании раскрепощенном, то есть, говоря слогом высоким, в свободе, резко не совпадали с нормами жизни в государстве, все граждане которого были объявлены равными. То есть — в советской трактовке — одинаковыми. Хотя, как мы знаем, некоторые были "равны больше", но Ю.П. к ним не имел отношения. Он был "равен" как все. Но — без удовольствия, поневоле.

Словом, время, которого он не выбирал, не сулило ему ничего похожего на то, что с ним на самом деле случилось.

Но если человек не выбирает время, то время — выбирает людей. Выбирает стремительно, четко, безжалостно.

Этому мы сегодня свидетели.

Как-то вдруг наше общество, ориентированное совершенно на иные модели поведения, быстро и очевидно перенасытилось людьми финансово хваткими, рискованными, способными обучаться борьбе за жирный кусок, нравственно мало озабоченными.

Возник словно бы ниоткуда, выдался как паста из тюбика, совершенно специальный человеческий тип. Его представителей обозвали поспешно: "новые русские". Как будто они и впрямь зародились и взойшли только-только, а прежде их вовсе не было.

Но ведь ясно же: они, предрасположенные к такого рода деятельности, были всегда. Только прежде — копошились на низших, угнетенных глубинах, подобных сероводородной зоне Черного моря. Там они выжидали, томились или же ловчили, приобретали, обманывали. Но все — под покровом тьмы, либо — помалому. Некоторые добивались до серьезных верхов с партийным билетом. При возникновении же благоприятного климата — мгновенно всплывали из своих неведомых омутов, поражая численностью и прилаженностью к новым условиям. Они мгновенно захватывали поверхность жизни. Не только сегодня. Так было, когда "чумах" русский капитализм заявил о себе. Так было при объявлении НЭПа.

Время экономно, оно не тратит себя попусту, а просто перемешивает слои, когда для иных обстоятельств ему требуются иные человеческие ресурсы.

"Сегодня я, а завтра — ты".

И вот ушли ныне в безвестную глубину (как град Китеж — ждать прихода своего часа) прежде такие заметные энтузиасты, бесребреники. Цвет и гордость нации, выразители ее духовности. Растаяло умиление скромным бытом, отмирает стремление мыслить надличностными категориями. Наступило соревнование вещей, капиталов, конкурсы на изворотливость и бесстыдность. Бедность стала пороком, прекраснотушье — глупостью.

Разные времена — разные нравы. И разный тип личности оказывается востребованным. В обществе, в политике. Разумеется, и в искусстве.

Момент перехода, перетасовывания. Нет ничего труднее. Но Ю.П. — как раз человек перехода. Не нынешнего, а другого, из страны, разведенной страхом, недоверием всех ко всем, каждого к каждому — в хрущевскую оттепель.

Окончание на страницах 14-15.

ВИНОВНИК ТОРЖЕСТВА

Окончание.
Начало на 8-й странице.

Тогда тоже казалось: как быстро на России все заживает. Как на кошке, которая с любого этажа падает, как известно, лапами вниз. Как быстро происходит психологическая переадаптация общества. Как энергично усваиваются и пускаются в дело прежде немые, отрицаемые правила игры.

Вдумайтесь.

Десяти лет не прошло после сталинских процессов, компаний, разоблачающих то безродных космополитов, то врачей-отравителей. Знание, что у стен есть уши или анекдот про зайца, убегающего во время погони за верблюдами ("Докажи потом, что ты не верблюд") — непоправимо вошли в плоть и кровь. И призрак несчастного мальчика Павлика Морозова опасно бродил по стране. Всюду — символы (и факты) для поддержания непреодолимого страха.

Но время протрубило в свои, уху неслышные, трубы. И сразу из массы разных "нарисовались" те, кто мог преодолеть искусно насаждавшийся страх быстро и навсегда. Кто не хотел быть тварью дрожащей, и умел ею не быть. Явились способные существовать вопреки, открытые для совмест-

ной деятельности, готовые верить друг другу, объединяться. Стали произноситься (искренне!) высокие слова, исповедоваться благородные принципы. В моду вошла надсоветская романтика Александра Грина и опасное чтение "самиздатовских" книг. Пели: "пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошовый уют", про флибустьеров, бригадину, которая "поднимает паруса". И даже про Магадан пели с каким-то романтическим просветлением.

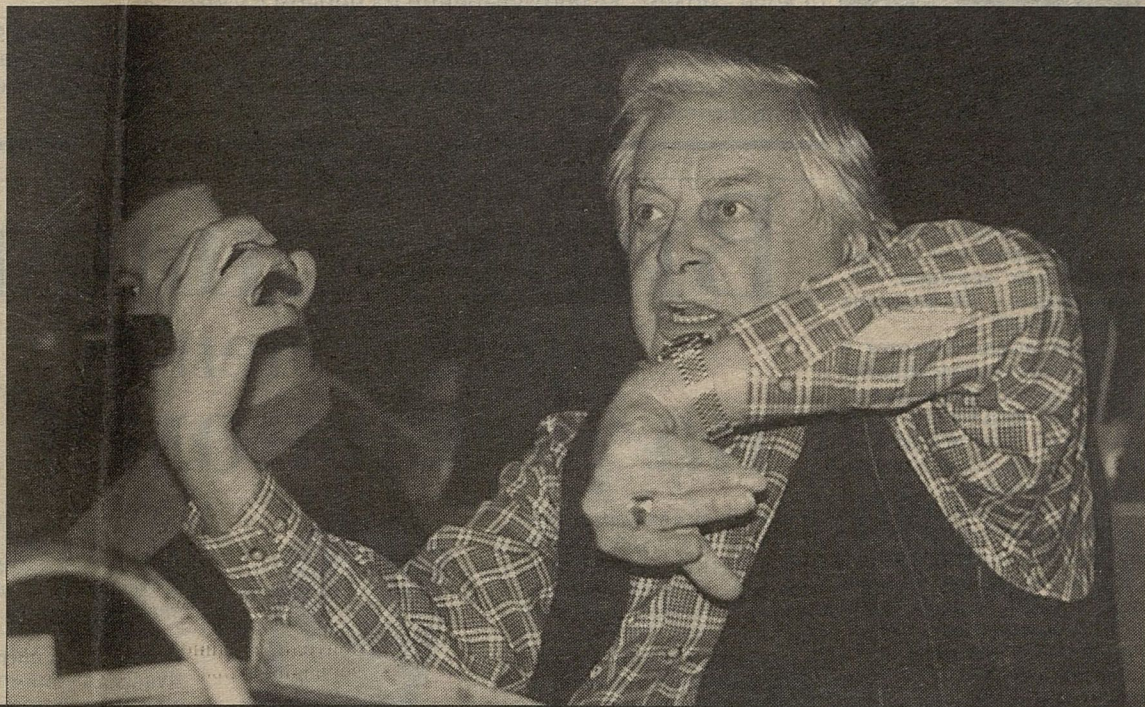
Атмосфера в обществе изменилась кардинально. Вместо замкнутости — открытость. Пусть на кухне, вдали от подслушивающего телефона. Но ведь не наедине с самим собой, а в компании. Так вели себя не только молодые, не ведавшие прежнего страха, но и те, кто пережил пору репрессий, сам прошел через камеры, допросы, лагерный ад.

Как сегодня — торгующих и циничных, время подняло тогда именно их на поверхность, распахнуло перед ними действительность, сладко нашептывало: "я — ваше".

Тогда-то и оказалось, что Любимов, этот язвительный балагур, женолоб и актер, из призванных призванный. Что именно ему предстоит стать одной из центральных фигур новой эпохи. Не только самоосуществиться, но выразить главную доминанту време-

О, времена,

Римма КРЕЧЕТОВА

О, нравы!

ни: единение, синтез. Связывание разрывов всяческих. Всюду.

Один умный человек сказал: в России, чтобы чего-то достичь, надо жить долго. Вроде бы верно. Но вместе с тем и неверно. Дело в другом. В России как нигде надо жить (все равно долго ли, коротко ли), чутко подстерегая редчайшие благоприятствующие мгновения. А затем (учуя: пора), уже ни на что не оглядываясь, срываться с места и мчаться как под артиллерийским огнем, чтобы успеть (от взрыва до взрыва) пробежать максимально возможную дистанцию. При этом увлечь за собою более робких и менее чутких.

Такая способность дается лишь избранным. Харизматический лидер – скажут сегодня. Тогда слова употреблялись другие, но суть была той же самой.

Ю.П. бежал под огнем. Быстро. Отважно. Красиво. А главное, – заразительно. Как магнит железо притягивал, приклеивал к своему (изначально общему) делу тех, кто этому делу был жизненно нужен.

Его девизом могло бы стать:

“соединяю и властвую”.

На Таганке все собиралось, концентрировалось, питало друг друга. Разрозненные частицы бытия перемещались к любимо́вскому театру как безусловному центру, постоянно ждущему энергетической подпитки, способному многократно усилить ее, превратив в спектакль, который отзовется не только в единичных сознаниях и душах, но заденет, пробудит структуры и силы, от которых зависит сама архитектура тогдашнего общества. Его социальный, его художественный облик.

В этих спектаклях соединялись люди, способные своим творчеством повлиять на состояние времени. Актер Владимир Высоцкий, “властитель наших дум”, поэт и певец, менявший своими песнями всю страну. Композиторы Эдисон Денисов и Альфред Шнитке – культовые фигуры современной музыки. Художник Давид Боровский – во многом определивший уровень и направление развития нашей сценографической мысли. Эрдман, Можжев, Абрамов и Трифонов, Вознесенский и Евтушен-

ко, Пушкин, Достоевский, Чехов, Шекспир, Брехт, Маяковский, Булгаков.

Я не оговори́лась, поставив в единый ряд живых и тех, кто уже покинул сей мир, оставив ему свое творческое “я”, ибо спектакли Ю.П., быть может впервые, открыли театру великую силу авторской личности, когда ее не вытесняет, а напротив – высвечивает спектакль. Когда он почтительно, но и на равных перемигивается с автором, создавая могучую иллюзию реального его присутствия среди актеров на сцене. Поистине – “сеанс черной магии на Таганке” (как утверждал заголовок одной из статей незабвенной газеты “Правда”).

Синтез. Он пронизывал и формировал здесь все. Соединялось вроде бы несоединимое, образуя целостный, вызывающе целостный, вопреки разнохарактерности его составляющих, мир.

Соединялась резкость социальной позиции, дерзость, энергия отрицания и – удивительный свет, наивное, естественное добро. (Они уживались как Шуи Та и Шен Те). Жесткость и мягкость. Непримиримость и способность понять, принять человека со всем его человеческим.

Соединялись те, кто на сцене и зрители в едином состоянии созерцания-игры.

Соединялись эпохи.

...И так далее, и так далее.

Таким было время: время собирать камни.

Сегодня камни разбросаны. Те, что собирались вчера.

Пришла опять пора одиночек. Не в том смысле, конечно, что каждый отбился от стаи и бродит у своей помойки-кормушки. Нет. Всяческие объединения процветают. Они сегодня похлеще вчерашних. Мафия ведь тоже – объединение: кровь и деньги прочный цемент.

Но это все – так сказать “структуры”, нечто по отношению к личности внешнее. Внутренне – каждый теперь сам по себе. И как беспомощно сегодня звучит призыв Окуджавы: возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке”. Он представляется просто несоотнесенным с природой людской: “тамбовский волк тебе товарищ”.

Одному времени трудно слышать другое: в них призваны разные люди. Слово две армии – добровольческая и по контракту. Речь не о том, какая лучше воюет. (Очевидно, раз на раз не приходится). Важно ради чего солдаты выходят на поле сражения.

Но время действует мудро.

Перемещая пласты, оно не упускает возможности “забыть” на поверхности кого-то из “уходящей

натуры”. Того, чья энергия еще не растрачена, чья личность обладает необходимой устойчивостью. Чье неодолимое упорство не позволит оттеснить его в тень. Оставаясь в чужом для них времени, эти люди, эти художники, не дают исчезнуть не памяти (память и без того утрачивается значительно медленнее, чем то, о чем она помнит), но – духовной материи, из которой соткана была та отошедшая действительность.

Чтобы видели: такое было, оно есть, а потому обязательно будет. Пласты, опустившиеся в глубины, – вернуться. Люди способны изо дня в день выплетать, как паук паутину, пространство духовности огромною массою объявятся снова. Потому что нет ничего – навсегда.

Трудную роль одного из оставленных на чужой поверхности время, похоже, поручило Юрию Любимову.

Дай Бог ему силы.

● На 8-й странице
Ю.Любимов с А.Шнитке,
Э.Кочергиным, Д.Боровским.
Фотографии В.БАЖЕНОВА,
А.БУТКОВСКОГО